

“УШЕЛ СОЛДАТ В ЧУЖУЮ ЗЕМЛЮ...”

Получше, парень,
  в прищел смотри,
Беда идет по пятам.
Здесь горы злые
  и пули злы,
И зол как черт ураган...

*Валерий Ковалев.
Из “афганской” песни*

Было воскресное апрельское утро, когда Нина Николаевна с дочерью Людмилой сидели на кухне и толковали о домашних делах, среди которых главным было подготовиться к скорому празднику – возвращению Юрия из Афганистана. Что-то говорили еще, обсуждали напоследок, чем бы таким Юрика порадовать, – и увидели подъехавшую к подъезду “скорую помощь”. И девушку с какой-то бумажкой. Жаром в сердце полыхнула надежда: не может быть... не к нам... Но все оборвалось... Не стало ни весны, ни жизни, ни сына, ни брата.

В этот апрельский день, когда скорбная весть передавалась от квартиры к квартире, от дома к дому, в семью Мальцевых приходили друзья и знакомые Юры и как-то неловко произносили слова сочувствия, словно сами-то еще не верили в Юрину смерть. Потом кто-то инструктировал, что не надо “афишировать” (чиновничья лексика вполне соответствовала нравственной глухоте “властей”), что *все* должно быть скромно. И вот эти-то распоряжения чужих людей сильнее всего заставили ребят осознать: действительно пришла в дом беда – их друг Юра Мальцев, их ровесник погиб, исполняя воинский долг.

Но почему, давая свои жестокие рекомендации, они отводят глаза? Разве не старшие товарищи любят иногда упрекнуть: вот мы в ваши годы! Так почему же Юре Мальцеву не дали свершить то, что ему было на роду написано сделать в свои двадцать? Почему и от кого должны таить горе его родители? Почему, за что погиб Юра Мальцев?

Ребята задавали друг другу эти вопросы и не находили на них ответа...

Юра Мальцев родился в 1959 году, жил в Череповце. Учился в 18-й и 24-й школах, – как говорится, “нормально”. Радовал родителей Нину Николаевну и Михаила Семеновича благодарностями за хорошее воспитание сына. Бился с математикой, но не отступал. Радовался каждому приходящему дню, друзьям, что окружали его постоянно. Во всяком случае никто не видел его расстроенным, омраченным чем-то. Бывало, и злился, например, на то, что не брали в секцию хоккея. Но быстро остывал, хватал клюшку и гонял шайбу до позднего вечера. Чем-то особенным и надолго увлечься не мог, будь то фотография или гитара, потому что было интересно все. Может, оттого и не планировал ничего на будущее, знал: жизнь – долгая и интересная, а планы – они ограничивают.

Когда после восьмого класса друзья решили поступать в лесомеханический техникум, не долго думая объявил родителям: “Я тоже поступаю”. Ну и поступил. И учился.

Сокурсники запомнили его общительным и жизнерадостным. Вообще, все, кто знал Юру, считают, что он жил чувством товарищества. И пусть эти слова никому не покажутся громкими – он действительно и мысли не мог допустить, чтоб пожертвовать дружбой ради своих каких-то интересов.

Я мысленно сравниваю заботы сегодняшних парней и Юрины.

– Что вы, – словно угадывает мои мысли Нина Николаевна, – никакого сравнения. Ничего ему не надо было. Мы, конечно, радовались с отцом, что не потребителем наш сын растет, но и удивлялись. Джинсы тогда очень модны были. Замечаю, вроде как тоже хочет, но молчит. Устроился с ребятами летом на рыбохолодильнике работать. Работа тяжелая – соль разгружали, но терпел. Думаю, на джинсы зарабатывает. А он деньги получил, домой приносит и говорит: “Обойдусь без штанов заморских, деньги вам нужны!” И самому радостно, что в дом зарплату принес.

Слушаю родителей, всматриваюсь в фотографии Юры и никак не могу представить его делающим деньги в “комке” или на весьма прибыльной звукозаписи, популярной как вид бизнеса среди нынешней деловой молодежи. Не могу разглядеть в нем деловой хватки. Напротив, что-то неуловимое в облике Юры как бы отделяет его от нас сегодняшних. Пытаюсь понять, что это “неуловимое” – и

словно спотыкаюсь о его *светлый взгляд*. Пройдите по улицам родного города и посмотрите в глаза первой сотне прохожих – много ли среди них вы увидите людей со светлым взглядом, словно бы отражающим, как у Юры, какой-то, ведомый ему одному, праздник в душе?

И, встречаясь с ним взглядом, невольно задаю себе вопросы: а что изменилось в нас за это десятилетие, умнее ли стали, практичнее, смелее? Наверное, так. А может, что-то и растеряли, озлобились, обособились в своих стремлениях быть сильными и практичными. Не знаю. Но каждый раз, когда гляжу на фотографии этого парня, меня не отпускают эти вопросы...

На проводах в армию квартира Мальцевых всех вместить не могла. А молодежь все приходила и приходила. Все было празднично, весело. Лишь “именинник” иногда бурчал: “Придумали! Отсрочку из-за практики. Уже июнь, а только повестку прислали”. Смущало его, что призывали его как-то наособицу, не со всеми вместе. Но веселье увлекало... И словно сама судьба дарила ему этот месяц-другой отсрочки. Дарила в самый последний раз общение друзей, радость, молодость – все, с чем он прощался навсегда.

Он еще встретился с родителями в городе Пушкине Ленинградской области, где седьмого июля принял присягу. И, кажется, успокоилось родительское сердце – сын будет служить в окрестностях Питера, обслуживая аэродромную технику.

Но – успокоилось ненадолго. Вскоре письма от сына стали приходиться из Ташкента, из других неизвестных городов Средней Азии, и за бодрыми солдатскими строками чувствовало материнское сердце что-то неладное... Теперь уж Нина Николаевна не помнит, когда и что именно заронило в душу тревогу, только не было покоя, хоть и сама себя успокаивала.

В феврале 1980 года Юра писал: “Я знаю, что у вас возникает много вопросов, из-за чего нас сюда перебросили, зачем? Ну что я могу вам написать кроме этих двух слов: так надо”.

И началось мучительное ожидание любой весточки, любой информации. Как же это страшно – каждый день, неделю, месяцы ждать. Ждать и бояться.

А сын всякий раз слал бодрые письма: “У меня все нормально. Служба идет помаленьку. Сейчас строим свой

кинотеатр, натянули большую палатку, будем каждый день смотреть фильмы. Жара здесь лечит все радикулиты, вот бы тебя сюда, маманя”.

А в это время обстреливали его аэродром. И было еще ох как далеко до боевого опыта, до более или менее нормального тылового обеспечения, и не было еще подходящей к жаркому климату формы, многого еще не было, но была война.

Летом 1980 года промелькнула неожиданная радость возможной встречи. Сын писал, что находится в Фергане, приехал за молодым пополнением, возможно, навестит. Но убедительно просит “не рваться” к нему, он напишет подробнее.

А следующее письмо принесло сплошные огорчения:

“Придется вас, мои родные, разочаровать. По стечению обстоятельств отпуск отменяется. В Фергану я приехал не за молодыми, как я писал в том письме, а заболел желтухой. Не хотел вас расстраивать. Домой приехал бы, все сам рассказал. Но вышел приказ: в отпуск никого не отпускать. Так что возвращаюсь в свою часть. Ну ничего, в общем служить осталось немного. Здоровье сейчас отличное”.

Но как бы ни бодрился Юра, как бы ни призывал родителей и бабушку держаться, брать с него пример, в письмах угадывается тоска и печаль по родным и близким, по ребятам, что справляют свадьбы, по жизни, что осталась так далеко, “за рыже-черными горами”.

Приближался конец его службы. Начался солдатский отсчет ста заветных дней до приказа. Пометки в письмах все сокращали и сокращали разрыв: 100, 60, 50 дней. Родители тоже чаще, чем обычно, бросали взгляды на календарь, покупали сыну новую одежду, несмотря на его протесты. Вроде и тревога уходила: Юрий писал уже о “дембельской” работе. И хотя Нина Николаевна не совсем понимала, в чем суть, но радовалась непривычному слову, производному от “демобилизации”. И сын укреплял в радости: “Погода стоит отличная, градусов 20. Уже начинаем понемножку загорать. Домой приеду, как с курорта”.

15 апреля 1981 года Юрий, в составе группы из четырнадцати человек, на бортовом ЗИЛе сопровождал груз со стройматериалами. Машина приближалась к кишлаку. Навстречу двигалась группа женщин и детей. Опущенные головы, покорные плечи, скорбное молчание. Что бы могла значить эта процессия? Машина притормозила. Но на вопросы никто ничего не отвечал. Что ж, может, траур какой?

Допытываться не стали. Въехали по узкой улице в кишлак. Не успели удивиться необычайной тишине, как с обеих сторон из укрытий за дувалами раздались пулеметные и автоматные очереди. Водителя ЗИЛа сразу же ранило. Машина остановилась. От перекрестного града пуль не спрячешься. Кто не погиб сразу, отстреливались, пытались укрыться под машиной. Когда подошел на выручку БТР, двенадцать человек уже погибли. Среди них – рядовой Юрий Михайлович Мальцев.

* * *

Когда вернулись с кладбища, и молодые, здоровые ребята терялись и не знали, что говорить, как поминать (какой у молодежи опыт), кто-то, сильно зажав гитару в руках, перебрав аккорды, хриловатым, но еще мальчишеским голосом запел Юрину любимую песню: “Ушел солдат в чужую землю...”

С. Сыров